

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*...Получается, что
Харта мог убить
только один человек.
И этот человек –
сам Дронго.*

Чингиз Абдуллаев

ЭКСМО

Параллельное
существование

Чингиз Акифович Абдуллаев

Параллельное существование

Серия «Дронго», книга 85

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298772

Чингиз Абдуллаев. *Параллельное существование: Эксмо; Москва; 2010*
ISBN 978-5-699-40784-2

Аннотация

Всемирно известный эксперт-аналитик Дронго не любит показываться на людях вместе со своей женой. Но в этот раз он поступается этим принципом. Российский бизнесмен Чистовский так настойчиво приглашает сыщика на свой день рождения, что отказаться невозможно. Кроме того, на роскошной вилле бизнесмена, расположенной на Сардинии, собирается любопытная компания... Но бурное веселье кончается внезапно и трагично. В собственной комнате гибнет известный плеейбой Стивен Харт, а позже в гостиной умирает от яда грузинский делец Автандил Нарсия. У всех присутствующих железное алиби. Нет его только у самого Дронго..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Чингиз Абдуллаев

Параллельное существование

«То, что люди обычно называют судьбой, является, в сущности, лишь совокупностью учиненных ими глупостей».

Артур Шопенгауэр

«В этом удивительном мире мы ведем параллельное существование даже с очень близкими нам людьми, ведь судьбы и жизни каждого из нас, никогда не пересекаясь, начинаются в Вечности и заканчиваются там же».

Али Эфенди

«У каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь; каждое личное существование держится на тайне».

А. П. Чехов

Глава 1

Обычные приглашения приходили в плотных конвертах и адресовались ему лично. На этот раз, именно в тот день,

когда он должен был вылетать в Италию, к своей семье, ему принесли своеобразный «свиток». Это был вытянутый круглый футляр серебристого цвета с золотистыми вставками. Отвинтив крышку, он достал приглашение, написанное умелым каллиграфистом и скрепленное личной печатью хозяина виллы. В приглашении указывалось, что господин Альберт Чистовский приглашает своего гостя вместе с супругой посетить их виллу «Дольче Вита», находящуюся в Сардинии, в следующую пятницу и остаться там до воскресенья.

Изумленный таким приглашением, Дронго долго рассматривал этот шедевр полиграфического мастерства. Чтобы создать подобный свиток, нужно было не только каллиграфически золотом написать приглашение, но и отпечатать этот экземпляр в типографии, при этом придать ему законченный вид, стилизованный под старинный пергамент. Ведь в приглашении указывался гость, который был вписан не в обычную форму, изготовленную по шаблону, когда приглашающий оставляет свободное место, чтобы вписать имя гостя. В этом «пергаменте» имя было напечатано вместе с остальным текстом.

Дронго не ожидал подобного приглашения от Чистовского; хотя они были знакомы уже давно, но никогда близко не общались друг с другом. Тем более его приглашают на виллу вместе с супругой. Он вообще предпочитал не ездить в подобные места с Джил и никогда не появляться с членами своей семьи там, где могли оказаться его прошлые или буду-

щие клиенты, свидетели, жертвы, обвиняемые, подозреваемые, даже просто причастные к его расследованиям люди. Может, поэтому он никогда не позволял себе появляться с Джил в общественных местах, где его могли узнать как эксперта.

Теперь нужно было уточнить, что именно будет происходить на вилле и почему Чистовский решил пригласить его. Дронго набрал номер телефона своего давнего друга и парника Эдгара Вейдеманиса.

– Добрый день, – начал он, – как у тебя дела?

– Ничего. Собираюсь поехать за город, если ты не изменишь моих планов.

– Не волнуйся, не изменю. Я получил странное приглашение. Вместе с супругой меня приглашают на виллу к господину Альберту Чистовскому. Ты помнишь такого деятеля?

– Конечно, помню.

– Кажется, он был акционером ряда известных компаний.

– И крупным акционером, – подтвердил Вейдеманис, – его отец был известным «цевовиком» на Северном Кавказе. После распада Советского Союза сумел сделаться владельцем трех ликеро-водочных заводов, наладил свое производство. Чистовский получил от отца уже отлаженный механизм работающих предприятий. Он сумел увеличить свое состояние, скупая акции. Несколько лет назад его акции стоили целое состояние. Сейчас, наверно, стоят раз в пять меньше.

– Это я тоже помню. Мы с ним встречались несколько раз.

Но почему он хочет меня пригласить к себе на виллу? В чем дело? Я никогда не числился среди его близких друзей.

– А ты вспомни, что среди его друзей были Деменштейн и Френкель. Помнишь одно из твоих последних дел? Тогда ты как раз вел расследование по просьбе Льва Давидовича Деменштейна. Там, кажется, была замешана его супруга. И его адвокат Тарханов вел себя не лучшим образом.

– Да-да, помню. Но при чем тут Чистовский?

– Они его близкие друзья. Куда он тебя пригласил?

– На свою виллу. «Дольче Вита». На Сардинии, в Италии.

– Я бы на твоём месте обязательно поехал. Просто интересно, зачем он тебя приглашает.

– Непонятно все это. Он мог бы позвонить и пригласить лично.

– Не забывай, что тебя две недели не было в Москве. Может, он тебя искал. Прослушай записи на своем автоответчике. А потом ты все равно вылетаешь в Италию. Как раз очень удобно. Возьмешь Джил и поедешь с ней на Сардинию.

– Только этого и не хватало. Ты ведь знаешь, как я не люблю втягивать свою семью в эти расследования. Именно этого мне недостает для полного счастья. Чтобы я еще и за них волновался во время работы. Можешь себе представить, как Джил встретят на вилле, если там неожиданно окажутся Деменштейн со своей супругой. Помнишь, как ее тогда называли? Снежная королева.

– Ты тогда проявил благородство и не передал дело в про-

кратуру, – напомнил Вейдеманис.

– Хотя нужно было это сделать. Ведь благодаря ее деятельной натуре ты попал в аварию и сломал себе ногу.

– А ты заставил ее мужа заплатить мне сто тысяч долларов, – рассмеялся Эдгар, – нет, я доволен. У меня нет к их семье никаких претензий.

– Зато у меня есть. Чем больше общаюсь с олигархами, тем больше теряю веру в людей.

– Ты не совсем прав. Олигархи – это немного другие люди. С другими возможностями, другими запросами, другими ценностями, с иным отношением к жизни и к людям. Ты знаешь, я недавно прочел в «Комсомолке», что чем богаче человек, тем глубже оргазм у его спутницы. Можешь себе представить? Значит, богатые люди еще и сексуально одаренные половые гиганты.

– Нашел тему для юмора, – пробормотал Дронго, – тоже мне сексуальные герои. Половина из них уже к пятидесяти годам ничего не могут сделать даже с собственной супругой.

– В тебе говорит обычная зависть. Там приводились статистические данные. Чем богаче человек, тем ярче оргазм у его женщины. Считается, что мужчинам всегда нужен секс, мы так устроены, а женщинам нужна стабильность, ласка, понимание семейных ценностей. И это вполне приемлемое объяснение. Когда мало денег, женщина волнуется и ей не до секса. Когда же денег много, женщина отдается своему партнеру с радостью и не думает о мелочах, поэтому все от-

лично получается.

– Это глупая статистика. Если бы ты знал, сколько страдающих женщин в очень богатых семьях! Именно там и происходят самые невероятные трагедии, семейные драмы, предательство и ложь. Просто они скрыты за высокими заборами их личных особняков.

– Тебе лучше знать. Ты у нас крупный специалист по олигархам, – рассмеялся Вейдеманис.

– Раньше я специализировался на международных преступниках, опасных террористах, маньяках, бывших шпионах. А сейчас приходится расследовать преступления в среде этих господ, – в сердцах произнес Дронго, – и не всегда приятно бывает общаться с ними.

– Раньше была «холодная война», – напомнил Вейдеманис, – а потом – хаос девяностых, когда рухнула система социализма. Сейчас время олигархов, которые за первые десять лет нового века сумели сделать себе колоссальные состояния, особенно в России и в странах СНГ. Ты же не можешь заниматься расследованием бытовых убийств среди вьетнамских перекупщиков, таджикских гастарбайтеров или молдавских прачек. Я не говорю, что они люди, недостойные твоего внимания, но там преступления совсем другого масштаба, не для такого специалиста, как ты. Или обычные бытовые преступления. Жена убила мужа колотушкой для мяса, а он зарезал ее кухонным ножом. Скучно, неинтересно. Совсем другое дело – иметь дело с мерзавцем, который

крадет миллиарды, презирает людей и планирует убийство близких с равнодушием отъявленного циника.

– Ты меня убедил. Теперь буду заниматься только олигархами, – усмехнулся Дронго, – хотя все равно не поеду на Сардинию. Мне еще нужно понять, чего хочет наш общий знакомый Альберт Чистовский.

– Может, он позвонит и сам тебе все расскажет? Тогда и решишь. Только сразу не отказывайся. И передай привет Джил.

– Передам. И учти, что ее я точно не возьму с собой на эту виллу. Какое претенциозное название из фильма Феллини. Я еще подумаю, прежде чем приму приглашение Чистовского.

– Сначала подумай, а потом отказывайся. Все знают, что ты один из самых известных экспертов в мире по расследованию тяжких преступлений. Если собрать все твои дела, то можно издать многотомную эпопею с невероятными приключениями и самыми изощренными преступлениями, которые когда-либо мог придумать человеческий разум. Как только ты куда-нибудь попадаешь, преступления словно притягиваются к тебе. А если человек приглашает тебя намеренно, значит, он хочет о чем-то попросить тебя или предложить тебе какое-нибудь новое расследование.

– Прекрасный спич. Я сейчас подумал, что ты можешь начать писать книги, как доктор Ватсон о своем друге Шерлоке Холмсе. Никогда не пробовал?

– Не пробовал. Но если будешь настаивать – обязательно

но попробую. «Приключения эксперта Дронго и его верного друга Эдгара Вейдеманиса». Все хорошо, но имена какие-то непонятные. Твоя кличка немного смущает. Взял бы себе Дранко или Драго. Хорошее имя. А то Дронго, название птицы. И у меня не очень благозвучное имя. Эдгар Вейдеманис. Язык сломаешь, пока выговоришь. Другое дело – капитан Гастингс, доктор Ватсон, Арчи Гудвин. Еще как звучит. Нужно срочно менять имена, чтобы про нас начали писать книги.

– Уже поздно, – заметил Дронго, – ничего не выйдет. С такими неудобопроизносимыми именами мы и останемся в памяти людей. Если, конечно, останемся, в чем лично я очень сильно сомневаюсь. Если ты не напишешь книги о наших «подвигах». Только напиши их лет через двадцать после моей смерти.

– Типун тебе на язык. Ничего не буду писать. И вообще, если хочешь, пошли Чистовского и его виллу куда-нибудь подальше. Лети к Джил и наслаждайся семейным отдыхом. Ты его заслужил. Дети уже большие. Нужно больше времени проводить с ними. Когда вернешься, мы встретимся и поговорим.

– Посмотрим, – недовольно проворчал Дронго и положил трубку.

Прослушав все записи на своем автоответчике, он убедился, что господин Чистовский звонил ему четыре раза, каждый раз предлагая перезвонить. И, не дождавшись ответа, прислал приглашение, оставив номер своего телефона. Те-

перь, разумеется, следовало позвонить. Четыре безответных звонка – слишком много, даже для такого известного эксперта, как Дронго. Он набрал номер Чистовского. И сразу же услышал его голос.

– Добрый вечер. Я даже не знаю, как вас называть. Господин Дронго просто смешно, возможно, лучше по имени и отчеству. Или по фамилии?

– Меня обычно называют Дронго. Я получил ваше приглашение. Должен сказать, что я удивлен таким вниманием с вашей стороны.

– Вы лучший эксперт в мире, – восторженно заявил Чистовский, – так о вас говорят все мои друзья. Они убеждают меня, что вы последний из оставшихся в живых великих сыщиков.

– Еще немного, и я превращусь в вымирающего мамонта, – пошутил Дронго. – Неужели именно поэтому вы хотите меня видеть?

– Безусловно. У меня на вилле соберутся очень интересные люди. Я даже пригласил великого футболиста Артура Бэкмана с его супругой Глорией, и они приняли приглашение. Будет еще этот известный проповедник Дэ Ким Ен. Говорят, что он новый Посвященный нашего времени. Представляете, какая компания? И, конечно, я хотел бы видеть вас с вашей очаровательной супругой, графиней Вальдано.

– Откуда вы ее знаете? – нахмурился Дронго.

– Я знаком с ее отцом, – бодро сообщил Чистовский, –

можете себе представить мое изумление, когда я увидел в его кабинете вашу фотографию вместе с его дочерью. Мне казалось, что вы так надежно прячете свою семейную жизнь, что о вашей супруге никто и никогда не узнает.

– Теперь попрошу его убирать фотографию, когда у него появляются гости из стран СНГ, – в сердцах проворчал Дронго. – Значит, вы собираете своеобразный цирк у себя на вилле и хотите, чтобы я был одним из «экспонатов» вашей коллекции?

– Что вы говорите, – испугался Чистовский, – разве такое возможно? Вы будете одним из самых почетных гостей. Там будет не так уж и много людей. Человек десять-пятнадцать, самых близких. Возможно, даже прилетит один из министров нового итальянского правительства. Но этого заранее я обещать не могу. Просто всем будет интересно пообщаться с таким замечательным человеком, как вы. А я буду гордиться, что у меня на вилле побывал эксперт с такой репутацией.

– Ясно. Вы отмечаете какое-нибудь событие?

– Мое сорокапятилетие, – сообщил Чистовский, – но, пожалуйста, никаких подарков не нужно. Ваш приезд будет для меня большой честью, господин Дронго. Никак не могу привыкнуть обращаться к вам с этой странной кличкой. Извините меня.

– Я могу узнать, кто еще будет?

– Только очень близкие друзья. Моя супруга Гражина. И

несколько наших близких друзей. Про семью Бэкман я вам уже говорил. Возможно, придет из Лондона мистер Стивен Харт со своей обворожительной супругой. Вы наверняка слышали про мистера Харта?

– Слышал. Он, кажется, известный игрок в гольф, аристократ и плейбой.

– Несмотря на то что ему уже пятьдесят пять, – рассмеялся Чистовский, – хотя его супруге только тридцать пять. Это его четвертая жена. Она была топ-моделью у самого Сен-Лорана еще десять лет назад, когда он был жив. Аманда Джаннуцци. Самая красивая женщина Европы, как ее называли во всех газетах. Я думаю, что вам должно быть интересно.

– Пестрая публика, – сдержанно согласился Дронго. – А из ваших друзей никого не будет? Я имею в виду ваших прежних друзей, с некоторыми из которых я имел честь познакомиться.

– Понимаю, – рассмеялся Чистовский, – вы, конечно, спрашиваете про Деменштейна и Френкеля. После того как вы едва не посадили Леонида Иосифовича Френкеля в тюрьму, он на вас очень обижен. Ведь только с помощью лучших адвокатов Москвы ему удалось добиться условного приговора¹.

– Надеюсь, что его не будет среди ваших гостей?

– Ни в коем случае. После всего произошедшего они кровные враги с Львом Давидовичем Деменштейном. И вообще,

---

¹ Подробнее в романе «Среда обитания».

в нашей среде считается дурным тоном говорить о Френкеле, который так глупо подставился.

– Ну да, понятно. Его осуждают не за его преступные действия, а только за то, что об этом стало известно остальным.

– Благодаря вам, господин Дронго, – напомнил Чистовский, – и поэтому можете не беспокоиться. Френкеля у меня на вилле не будет. Это исключено.

– А Лев Давидович прилетит?

– Возможно. Вы знаете, что у него проблемы с супругой. Она странный человек – не любит летать. Если она соберется и проедет через всю Европу на поезде, то, возможно, сумеет проплыть расстояние от Рима до Сардинии на пароме, чтобы побывать у меня на вилле. Но наши поезда, которые ходят из Москвы в Берлин, – это нечто особенное. Вы знаете, когда их только пустили, я был в полном восторге. Скорый поезд до Берлина, в котором есть особый вагон для пассажиров премьер-класса. Даже не первого класса, а гораздо лучше. Просто мечта пассажиров. Всего четыре купе в вагоне, салон для отдыха, обеды подаются прямо в купе, индивидуальная душевая кабина, туалет, телевизор, двуспальная кровать. А в итоге все оказалось таким банально совковым. Телевизор почти никогда не работает, в туалетах вечно забиваются унитазаы, душ нормально не функционирует, за обеды берут дополнительную плату и кормят с каждым разом все хуже и хуже. Вдобавок ко всему в марте, когда я ехал в Москву, в вагоне вообще не было отопления. А газеты, ко-

торые нам предлагали, были двухнедельной давности. И это несмотря на то, что билеты стоят около тысячи долларов. Я не знаю, куда смотрит руководство железной дороги, но за такой сервис их всех нужно гнать с работы, – сообщил Чистовский. – После этого я окончательно порвал с поездами и перешел на самолеты. Чисто, удобно, быстро, вполне комфортно, особенно если не летите итальянской компанией, а выбираете немецкую или британскую.

– Это я знаю, – улыбнулся Дронго, – сам терпеть не могу летать самолетами. И насчет поезда тоже все знаю. Прекрасную идею испортили до такой степени, что я вспоминаю об этом вагоне с чувством досады и сожаления.

– Значит, приедете? – уточнил Чистовский.

– Я подумаю, – честно признался Дронго.

– Приезжайте, – снова попросил Чистовский, – честное слово, вы не пожалеете. Наш Посвященный Дэ Ким Ен очень хочет познакомиться с вами. Он считает, что вы обладаете особым даром интуиции и умеете чувствовать преступников.

– Боюсь, что не смогу его порадовать. Я скорее опираюсь на обычное логическое мышление, – сказал Дронго.

– Это тоже очень интересно. И еще... я хотел вам сказать... – замялся Чистовский.

– Что именно? – насторожился Дронго.

– Дело в том, что я уже передал приглашение через господина Вальдано вашей супруге. Я боялся, что не застаю вас в

Москве или в Баку, и решил таким образом пригласить вас к себе на виллу. Это так удобно. Вы ведь живете где-то под Римом?

– Понятно, – спокойным голосом произнес Дронго, – вы решили разрушить мою семейную жизнь. Сообщили моей супруге о приглашении, даже не получив моего согласия.

– Ни в коем случае. Наоборот, она придет к нам и убедится, насколько вы уважаемый и знаменитый человек. Кроме того, я думаю, ей, как молодой женщине, будет приятно пообщаться с Глорией Бэкман и Амандой Джаннуцци.

– Не уверен, – пробормотал Дронго, – но обещаю, что мы вместе подумаем над вашим приглашением.

– Надеюсь, что вы не откажетесь, – сказал в заключение Чистовский. – Поверьте, что мы с женой будем очень ждать вас на моем маленьком юбилее.

– Хорошо. Я все понял. До свидания.

– Всего хорошего, – и Чистовский отключился.

«Только этого мне еще не хватало, – раздраженно подумал Дронго, – взять с собой Джил и поехать на день рождения Чистовского. Теперь нужно придумать любую причину, чтобы не ехать на эту виллу или поехать туда без Джил. Придумать причину будет очень сложно, Чистовский передал приглашение через ее отца. Но ехать с Джил на эту виллу чистейшее безумие...»

Глава 2

Увы! Если прежде ему удавалось убеждать Джил в необходимости своих индивидуальных поездок, то теперь не было никакой возможности что-то придумать. Чистовский не просто передал приглашение через ее отца, но и ухитрился сообщить, какие гости прибудут на его виллу и проведут на ней следующий уик-энд. На все вопросы Джил нужно было отвечать, и отвечать честно. Лгать не хотелось, а брать с собой Джил было просто небезопасно, учитывая, что на вилле могла появиться супруга Льва Давидовича – Снежана Николаевна Алтуфьева. Бывшая ведущая одной из популярных телевизионных программ, которую за глаза называли Снежной королевой. Когда ее мужа попытались шантажировать, она сама приняла деятельное участие в выявлении шантажиста и хотела любым способом заставить его замолчать. Дронго тогда проявил благородство, предоставив самому Льву Давидовичу решать вопрос о степени вины своей супруги. Очевидно, Деменштейн решил, что жена, пытавшаяся любым способом защитить своего мужа, может рассчитывать на его понимание. И теперь они могли снова оказаться вместе. Но на этот раз Дронго был бы не один, а вместе с Джил, и ему очень не хотелось подставлять ее даже под любопытные взгляды Алтуфьевой, не говоря уже о том, что она могла невольно оказаться жертвой гнева Снежной короле-

вы. Да и остальная публика не внушала ему никаких особых симпатий. Известная своим беспутным поведением Аманда Джаннуцци, ее не менее известный и скандальный супруг Стивен Харт, милая парочка из Великобритании – Артур Бэкман и его супруга Глория, которые были любимыми объектами всех папарацци в мире. И, наконец, проповедник Дэ Ким Ен, славящийся своими парадоксальными взглядами на устройство современного мира и обладавший несомненными гипнотическими способностями. Попасть в такую компанию – все равно что оказаться в пещере, полной ядовитых змей, не знаешь, с какой стороны и в какую секунду тебе ждать нападения.

Но Джил все равно упрямо настаивала. И это был первый случай в его жизни, когда он не мог ничего придумать, чтобы отказать ей. Можно было только сломать себе ногу, чтобы не ехать на виллу «Дольче Вита», но это было бы слишком радикальное решение, которое наверняка вызвало бы подозрения у Джил. Именно поэтому он согласился на эту поездку, посчитав, что уже после первого же дня они смогут покинуть виллу Альберта Чистовского.

В пятницу утром они сели на паром, который отходил из порта Чивитавеккья, близ Рима, и отправлялся на Сардинию. Паром шел довольно долго, больше шести часов, к четырем часам дня они прибыли в порт Гольфо-Аранчи, где их уже ждала заказанная Дронго машина с водителем. Сардиния в последние годы превратилась в самый престиж-

ный и фешенебельный остров Средиземноморья, здесь повсеместно вырастали роскошные виллы и строились все новые и новые отели. Открывались бары и рестораны с немыслимыми по европейским меркам ценами. К причалам приставали роскошные яхты европейских нуворишей, а небольшие аэропорты срочно модернизировались, чтобы принимать множество частных самолетов, летевших теперь на Сардинию со всех концов Европы.

Даже один из самых богатых итальянцев – премьер-министр страны Сильвио Берлускони – тоже выстроил здесь роскошную виллу, на которой обычно принимал известных политиков и гостей.

Вилла «Дольче Вита» была построена в середине шестидесятых, когда экономический бум сделал возможным подобные вложения и один из известных итальянских банкиров решил выстроить дом в почти безлюдных местах западного побережья острова. Через восемь лет банкир разорился, и дом был перепродан одному из членов семьи клана Андольфи, клана, владевшего многочисленными заводами и фабриками по всей Европе. Вилла досталась по наследству в семьдесят седьмом году Джанни Андольфи, который приказал благоустроить территорию вокруг виллы, переоборудовать два открытых бассейна, сделать спуск к морю и перестроить внутренние помещения, надстроив третий этаж.

Старожилы рассказывали, что в эти годы на вилле побывали многие известные деятели итальянского и французско-

го кино, поп-звезды и кумиры конца семидесятых. Но всему хорошему приходит конец. Молодой Андольфи довольно быстро промотал состояние своих родителей и был вынужден уступить виллу канадскому бизнесмену Ричарду Максвеллу. Уже в девяносто первом году здесь появились новые владельцы, которые отличались тем, что очень редко появлялись на острове. Сначала Максвелл потерял сына, погибшего от передозировки наркотиков. Затем тяжело заболела его жена, и вилла оказалась фактически заброшенной. Через десять лет она являла собой жалкое зрелище, почти ничего не осталось от некогда роскошной виллы, о которой ходили легенды. Новый владелец виллы Альберт Чистовский купил ее семь лет назад за символическую сумму в четырнадцать миллионов долларов. По существу, агент Максвелла продал ему землю, ведь само здание виллы и вся ее инфраструктура нуждались не просто в ремонте, а в коренной реконструкции. Чистовский оказался весьма деятельным человеком. К этому времени Сардиния начала входить в моду и вокруг уже вырастали новые роскошные виллы, среди которых было много владельцев из бывшего Союза.

Чистовский нанял известных итальянских дизайнеров и архитекторов. Задача была поставлена предельно жестко. Сохраняя внешнюю отделку дома, переоборудовать виллу на современный лад и значительно расширить ее помещения. Профессионалы хорошо справились со своей задачей. Теперь здесь было восемь спальных комнат со своими ванны-

ми, большая гостиная на сто сорок метров, бильярдная, кабинет хозяина, оформленный в английском стиле из морского темного дуба, и большая столовая, примыкавшая к кухне; в столовой могли разместиться двадцать человек.

Дорога к морю была отреставрирована, выложена мрамором, у моря построили домик для отдыхающих, причал для яхт и катеров и чуть ниже даже домик для охраны. Он стоял у самого моря. Чистовский распорядился заасфальтировать полтора километра дороги, ведущей от шоссе на Альгеро к его дому, что обошлось ему дополнительно в полтора миллиона долларов. Вокруг были высажены оливковые деревья, за которыми следил нанятый садовник.

Четыре года назад вилла наконец была полностью отреставрирована, и Чистовский впервые приехал сюда посмотреть, как выглядят его владения. В ремонт виллы «Дольче Вита» он вложил сорок два миллиона долларов, но, по заверению риелторов, которые осмотрели его владения, теперь вся его недвижимость на острове могла стоить порядка семидесяти-восемидесяти миллионов долларов и с каждым годом увеличивалась в цене. Правда, международный кризис 2008 года довольно ощутимо ударил по здешним владельцам роскошных особняков. Некоторые исчезли навсегда, другие предпочли выставить свои виллы на продажу, третьи продолжали вести прежний образ жизни, не обращая внимания на поразивший мир кризис. Вот к третьим явно принадлежал и сам Чистовский, хотя после кризиса его состояние

«ужалось» почти в три раза, и теперь бывший миллиардер и олигарх Альберт Чистовский был всего-навсего мультимиллионером с состоянием в пятьсот или шестьсот миллионов долларов. Впрочем, это были официальные цифры. Но, как подозревали многие, его действительное состояние, как и у многих олигархов Восточной Европы, всегда сильно занижалось, их реальные доходы не были отражены в финансовых документах, ведь в этом случае пришлось бы платить и реальные налоги, которые многие предпочитали выплачивать по значительно «облегченному» тарифу. Но, возможно, это были только слухи.

С восточного побережья Сардинии, куда пришел паром, до западного, где находился городок Альгеро, было около трех часов езды. Дронго предпочитал дремать, сидя на заднем сиденье, тогда как Джил с восторгом осматривалась вокруг. Она и до этого несколько раз бывала на Сардинии, и ей очень нравились эти места. Один раз она даже разбудила его, предложив остановить машину, выйти и посмотреть на собор города Сассари, через который они проезжали. Собор был построен в шестнадцатом веке. Они внимательно рассмотрели этот шедевр эпохи Возрождения.

К вилле супружеская пара прибыла в седьмом часу вечера; их машина наконец свернула на асфальтовую дорогу, ведущую к вилле.

– Мы почти приехали, синьор, – сказал водитель, обращаясь к Дронго. Он был уверен, что его пассажиры итальянцы,

так как Джил говорила на характерном римском жаргоне. А сам Дронго ограничивался лишь некоторыми замечаниями.

У въезда на территорию виллы был установлен шлагбаум и небольшая ограда. Здесь же стоял охранник. Он подошел к машине и наклонился к окошку.

– Я могу видеть ваши приглашения? – спросил он по-английски, но с сильным акцентом.

– Мы их не взяли, – рассмеялась Джил, заговорив по-итальянски, – но нас пригласил сам синьор Чистовский, – в европейских языках не было краткой буквы «и», поэтому фамилия владельца дома звучала как «Чистовски».

– Как мне передать? Кто приехал? – уточнил охранник. Ему было лет тридцать пять.

– Скажите, что господин Дронго с графиней Вальдано, – сказала Джил, – в приглашении были указаны наши имена.

Охранник кивнул.

– Можете проезжать. Меня предупреждали, графиня.

Машина проехала дальше.

– Кажется, в Италии я только твой супруг, – пробормотал Дронго.

– Тебя это огорчает?

– Нет. Даже радует. Значит, я тоже немного приобщился к вашей родовой аристократической семье.

– Боюсь, что у тебя ничего не получится, – притворно вздохнула Джил, – сам брак еще не гарантия приобщения к аристократической семье. Ты всего-навсего муж графини

Вальдано, но у тебя самого нет никакого титула.

– Ладно. Убедила. Кажется, в Великобритании есть контора, торгующая титулами. Придется написать им, чтобы продали мне титул барона или маркиза. А еще я отправлю письмо в Кембриджское общество. Там есть контора для тщеславных дураков. За деньги тебя включают в справочник «Кто есть кто» и даже объявляют человеком десятилетия или столетия. Можно даже тысячелетия, но за соответствующую плату.

– Так нельзя, – рассмеялась Джил, – это просто неприлично.

– Начало двадцать первого века, – напомнил Дронго. – Одиннадцатого сентября самолеты врезаются в башни, убивают тысячи ни в чем не повинных людей и десятки детей и женщин в этих самолетах, а потом еще Беслан, где гибнут сотни детей. Я уже не говорю про конфликты в Африке или на Ближнем Востоке, где ежедневно убивают десятки несчастных случайных прохожих и счет идет на сотни тысяч жертв. О каком приличии мы говорим в наше время? Все на продажу. Совесть, честь, вера в Бога и даже любовь. Или ты думаешь иначе?

– Это какое-то параллельное существование, о котором я стараюсь не думать, – призналась Джил, – пока ты колесишь по всему миру, мы с детьми ведем несколько иную жизнь.

– Они уже взрослые, – напомнил Дронго, – скоро разъедутся учиться и войдут в соприкосновение с иной реально-

стью. Другая жизнь и совсем иные условия. Совсем другие приоритеты. И нужно уже сейчас готовить их к этой другой жизни.

– Порядочные люди при всех условиях остаются порядочными людьми, – возразила Джил, – это не зависит от внешних условий. Бог и совесть должны быть в самом человеке.

– Во-первых, еще как зависит, – печально возразил Дронго, – и вера каждого из нас может быть поколеблена встречей с откровенным адептом Сатаны. Во-вторых, не все имеют Бога в душе и должную совесть. Дидро считал, что абсолютно счастливые люди – это те, кто имеет хороший желудок, злое сердце и совсем не имеет совести. В наши дни совесть – непозволительная роскошь.

– Тебе не стыдно так говорить? – нахмурилась Джил. – Человеку, который всю жизнь боролся с преступниками и подлецами?

– Почему в прошедшем времени, – улыбнулся он, – я и сейчас занят этим полезным делом. Как своеобразный истребитель вампиров. Но я говорю о приоритетах, о духовных ценностях, которые в наши дни претерпевают большие изменения. И боюсь, что не в лучшую сторону.

Автомобиль мягко притормозил на площадке у дома. Их уже ждали хозяева виллы. Высокий, худощавый Чистовский и его жена, очевидно, с трудом сохранявшая свою фигуру. Она была среднего роста, довольно упитанная, но одетая в обтягивающие светлые брюки и розовую блузку, которая, ка-

залось, вот-вот лопнет от любого неосторожного движения.

– Добрый вечер, – радостно сказала супруга Чистовского, – как мы рады вас видеть.

Она расцеловалась с Джил.

– Здравствуйте, – Чистовский протянул руку гостю, – я рад, что вы приняли наше приглашение.

У него был длинный, вытянутый нос, подвижные глаза, редкие каштановые волосы, щеки прочерчивали резкие морщины. Большие уши, прижатые к вытянутой голове, дополняли облик. Его супруга Гражина была полной противоположностью мужу. Уже начавшая терять фигуру, очень плотная, с большими пышными формами, Гражина уже четыре раза садилась на строгую диету, но, каждый раз стоически выдержав необходимые условия диеты до конца и немного похудев, затем снова срывалась и поправлялась еще больше. Этим летом она твердо решила снова похудеть и, проконсультировавшись в одной из швейцарских клиник, приняла мужественное решение лечь в больницу на удаление части желудка и откачку жира. Ей казалось, что только хирургическим путем можно будет вернуть свои прежние формы.

Теперь, приветствуя гостью, она испытующе смотрела на почти девичью фигуру Джил. Ей трудно было поверить, что они почти ровесницы и что Джил сумела сохранить такие формы даже после рождения двоих детей. Тогда как сама Гражина после рождения сына начала стремительно поправляться. Она по отцу была полькой, а по матери – украинкой.

Ее отец был одним из тех поляков, кто остался во Львове после всех потрясений тридцатых и сороковых годов, когда город окончательно перешел в состав Советского Союза. Бабушка Гражины, мать ее отца, была родом из русинов, проживающих в Закарпатской области, и это сказалось на выборе ее отца и на его судьбе.

Водитель вытащил из багажника два небольших чемодана и поставил их рядом с машиной.

– Оставьте здесь, – кивнул Чистовский, – их поднимут в спальную наших гостей.

– Спасибо, – кивнул Дронго. Он оставил деньги на переднем сиденье, рядом с водителем. Тот, увидев это, радостно кивнул. Сто шестьдесят евро за машину и работу водителя, но Дронго оставил желтую купюру в двести евро, и водитель, увидев этот цвет, все понял без лишних слов.

– Идемте в дом, – радушно предложила Гражина, – я покажу вам вашу спальню. Она находится на третьем этаже, оттуда прекрасный вид на море. У нас все спальни с видом на море. Все четыре на втором и четыре на третьем.

Они пошли в дом.

– Вы впервые на Сардинии? – уточнил Чистовский.

– Нет, – ответил Дронго, – уже во второй раз. Впрочем, Джил бывала на острове, а я успел побывать только в Кальяри.

– В таком случае вам будет интересно, – улыбнулся Чистовский, – сюда, пожалуйста.

Они вошли в большой просторный холл. У дверей выселись фарфоровые арапы с подсвечниками в руках. Светильники уже были включены, хотя было еще светло. По мраморной лестнице они поднялись на третий этаж. Здесь в просторном коридоре были четыре двери. Чистовский подошел к одной из дверей, находившихся в середине, и несколько театральным жестом открыл дверь, приглашая гостей войти. Спальня была большая, метров сорок; большая двуспальная кровать и дверь, ведущая в ванную комнату.

– Сейчас поднимут ваши чемоданы, – кивнул Чистовский, – сделает это Тадеуш. Он понимает по-итальянски, по-английски, по-русски. Можете говорить с ним на любом языке. Если есть какие-нибудь пожелания, то вы можете сообщить их ему, не стесняясь. Ужин в девять часов вечера. Располагайтесь.

Гражина улыбнулась на прощание, выходя из комнаты вместе с супругом. Джил оглядела комнату, вошла в ванную, где раковина покоилась на мраморном постаменте, а сама ванна была сделана из розового мрамора.

– Красиво, – сказала она, вернувшись в спальную, – все это, должно быть, стоит больших денег. Чем занимается господин Чистовский?

– Раньше торговал водкой, сейчас акциями каких-то компаний, – пояснил Дронго.

В этот момент постучали. Они обернулись на стук, и Дронго громко разрешил неизвестному войти в комнату.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти. Высокий, подтянутый, широкоплечий. Седые волосы, немного усталый взгляд, глубоко запавшие глаза. Видимо, это и был Тадеуш. Он внес два чемодана.

– Вам что-нибудь нужно? – по-русски уточнил он с характерным польским акцентом.

– Нет, спасибо, – ответил Дронго, – ужин будет внизу, в зале?

– У бассейна, – пояснил Тадеуш. – Если я вам буду нужен, нажмите кнопку у вашего столика. Вот эту. Я сразу вам перезвоню. На вашем столике внутренний телефон. Если хотите, его можно переключить и на город.

– Не нужно. У нас есть свои телефоны.

Тадеуш поклонился и вышел. Джил подошла к балкону, открыла двери и вышла из комнаты. Внизу блестел на солнце большой бассейн. Неожиданно она резко отпрянула.

– Что случилось? – спросил Дронго.

– По-моему, там кто-то загорает без одежды, – пояснила Джил.

– Это тебя смущает? – улыбнулся Дронго, подходя к балкону.

– Не нужно смотреть. Это неудобно, – сказала Джил.

Он взглянул вниз. У бассейна лежала женщина. На ней были темные очки и большая шляпа, закрывавшие ее лицо. Она загорала топлесс, но на ней было едва заметное узкое бикини. Судя по ее загорелому красивому телу, это и была

сама Аманда Джаннуцци. Он усмехнулся.

– Она не совсем раздета, – сообщил Дронго, – просто загорает, как принято в вашей стране – топless, без бюстгалтера.

– Тогда у нее такое бикини, что его совсем не видно, – проворчала Джил. – Ты будешь смотреть или войдешь в комнату?

Он вошел в комнату и закрыл дверь. Включился кондиционер. Он включался автоматически, когда двери были закрыты.

– Это Аманда Джаннуцци, – пояснил Дронго, – даже отсюда ее можно узнать. Такие роскошные формы.

– Неужели ты узнал ее формы? – язвительно уточнила Джил.

– Их трудно не узнать. Насколько я помню, здесь должны быть Глория Бэкман и Снежана Алтуфьева. Жена футболиста Бэкмана изящная и худая брюнетка, а Алтуфьева – блондинка. Они явно не похожи на женщину, которая так спокойно загорает внизу.

– Надеюсь, что к ужину она все-таки оденется, – усмехнулась Джил.

– Послушай, ты ведь знала, куда едешь. Аманда была эротической моделью для известных журналов, и раздеться для этой особы не составляет никакого труда. Я даже удивлен, что она оставила на себе бикини, которое ты не заметила. А ты, оказывается, совсем не современная европейская жен-

щина.

– Я думаю, что по сравнению с Амандой Джаннуцци даже самая продвинутая женщина будет выглядеть монашкой, – пошутила Джил, – нам всем еще нужно много расти до ее «современности».

В дверь снова постучали.

– Надеюсь, что это не Аманда? – предостерегающе заметила Джил.

Глава 3

Дронго пожал плечами. Шагнул к дверям и открыл их. На пороге стоял мужчина восточной внешности. Ему можно было дать и сорок, и пятьдесят, и даже шестьдесят лет. Волосы у него были коротко острижены. Типично азиатское лицо с узкими щелями вместо глаз, тонкие губы, растянувшиеся в улыбку. Шелковый костюм золотистого цвета. Он улыбался и кивал головой, как китайский болванчик.

– Добрый вечер, – пропел гость, – я рад видеть вас, многуважаемый господин эксперт, – по-английски он говорил чисто, без акцента.

Это был Дэ Ким Ен, наставник молодых, Посвященный, Гуру, человек, в которого верили тысячи и миллионы людей. Он снова поклонился.

– Я тоже рад вас видеть, достопочтимый Дэ Ким Ен, – вежливо ответил Дронго, кланяясь в ответ.

– Простите, что я вас побеспокоил, – продолжал гость, – мне хотелось лично засвидетельствовать вам мое уважение. Тем более что я живу рядом с вами. Моя комната с правой стороны от вас. Вернее, мы занимаем две правые комнаты.

– Очень приятно, – кивнул Дронго. – Вы приехали не один?

– Нет, – ответил Дэ Ким Ен, – со мной прилетела мой секретарь. Очень достойная и грамотная девушка. Она из Нор-

вегии – Руна Теннесен. Работает со мной уже второй год и пытается приобщиться к небесной благодати с моей помощью.

– Это очень важно, – согласился Дронго, – приобщаться к небесной благодати именно с вашей помощью. Может, вы зайдете к нам?

– Нет, нет, – замахал руками гость, – не буду вас беспокоить. Ваше пространство должно оставаться чистым и спокойным, чтобы никто чужой в него не вторгнулся. Только тогда вы сможете достичь духовной гармонии и установить полное взаимопонимание друг с другом.

– Спасибо вам, уважаемый Дэ Ким Ен, за ваше понимание, – кивнул Дронго, – увидимся за ужином.

– И вам спасибо. Надеюсь, мы с вами сможем переговорить о несовершенствах человеческих типов. У вас должен быть большой материал по греховному искажению человеческих характеров.

– Несомненно. Спасибо еще раз. – Дронго снова поклонился и закрыл дверь, с трудом сдерживая смех.

Джил увидела его лицо.

– Ничего смешного я в этом не вижу, – заметила она, – он очень известный Гуру, у него множество почитателей по всему миру, в том числе и в Италии. Что тебя так развеселило?

– Попытка достижения небесной благодати с помощью этого типа, – улыбнулся Дронго. – Неужели кто-то может попасться на такую уловку?

– Людям нужны кумиры и идеалы, – возразила Джил, – а ты у нас воинствующий атеист и сомневающийся рационалист.

– Насчет атеиста – не уверен. Я, наверно, скорее агностик. А вот насчет сомневающегося рационалиста – все верно. Я привык, что любой факт можно и нужно объяснять с помощью рациональной логики, а не пытаться искать потусторонние силы для объяснения вполне земных событий. Но когда появляются такие Гуру, я начинаю сильно сомневаться в их искренности. Кто дал ему право говорить от имени миллионов людей? Причем эти полномочия должны быть делегированы и «сверху», и «снизу». Или миллионы людей собирались и выдвигали его своим представителем для беседы с Богом? А если нет, то тогда он самозванец. Ведь папу римского выбирает синклит кардиналов, и он сам должен быть кардиналом. То есть пройти через какие-то конкретные испытания, чтобы стать главой верующих католиков. Избранным главой. А этот Гуру мне кажется обычным прохвостом.

– Я иду в душ, – заявила Джил, – и не смей больше говорить ничего плохого о нашем госте. Он пришел тебя поприветствовать, а ты превратил все в обычный балаган.

Она отправилась в ванную. Дронго усмехнулся. Снова подошел к балкону. Аманда уже покинула место у бассейна. Действительно, очень красивая женщина. Интересно, где они живут, почему-то подумал Дронго. Ведь на третьем этаже из четырех спальных комнат три уже заняты. Достопочти-

мый Дэ Ким Ен. Его секретарь Руна Теннесен. Они с Джил. Интересно, кто находится в четвертой спальне? А на втором этаже, очевидно, еще четыре спальни. Предположим, что в одной – сами хозяева дома. Во второй – Аманда со своим супругом. В третьей, возможно, Деменштейн, если только он решил приехать сюда со своей супругой. А в четвертой – Артур Бэкман со своей женой. Тогда все правильно. Но кто живет на их этаже, слева от них?

Дронго даже подошел к стене, прислушался. Но все было тихо, ничего не было слышно. Какую пеструю публику пригласил на свой день рождения Альберт Чистовский, подумал Дронго. Или хозяину виллы просто приятно, что здесь собрались такие известные люди? Эксперт по расследованиям тяжких преступлений. Знаменитый на весь мир футболист, кумир миллионов людей. Другой кумир – кореец Дэ Ким Ен, любимец миллионов. Очень известный и популярный аристократ Стивен Харт со своей не менее известной супругой Амандой. И, наконец, российский олигарх и друг Чистовского – Лев Давидович Деменштейн со своей супругой. Компания просто на вынос, бери – не хочу.

Он услышал чьи-то голоса в коридоре и прислушался. Кажется, кто-то спорит, остановившись прямо рядом с их дверью. Он мягко подошел, прислушался.

– Ты настоящая идиотка, – гневно говорил мужчина, – ничего не понимаешь и не хочешь понимать. Все совсем не так, как ты себе представляешь...

Они говорили по-русски, но у мужчины был такой характерный акцент, что Дронго даже улыбнулся. Перепутать было невозможно. Это был грузинский акцент. Мужчине отвечала женщина, говорившая без акцента.

– Я знаю, как мне нужно все это представлять. И ты меня не путай. Обманул меня и привез сюда, чтобы разыгрывать из себя невинного барашка. Ты учти, что я все знаю. Если ты снова начнешь выделять свои номера, я даже боюсь подумать, что могу с тобой сделать.

– Ты мне не угрожай, – прохрипел мужчина, – я тебе говорил, что мне нельзя угрожать.

– А ты веди себя как человек, а не как скотина, – разозлилась женщина. – Значит, когда ты хочешь поразвлечься на стороне, тебе все можно, а когда я только смотрю в сторону другого мужчины, у тебя начинается истерика?

– Я помню, как ты смотрела на Родосе в сторону этого актера, – повышая голос, сказал мужчина. – Ты уже забыла, как сразу полезла к нему в номер, думала, что я ничего не узнаю.

– Не ори, – отрезала женщина, – тебя могут услышать.

– Здесь все равно никого нет. Кроме этого придурка корейца и его норвежки, которые не понимают по-русски, – напомнил мужчина.

– Все равно не ори, Автандил. Нас могут услышать со второго этажа.

– Это ты снова начала разговор, а теперь сваливаешь на

меня, – уже окончательно вышел из себя мужчина, – я тебе серьезно говорю, что это в последний раз. Больше мы с тобой никуда не поедem, Изольда, в этом ты можешь не сомневаться.

– Ты еще будешь меня умолять, а я никуда не поеду, – отрезала Изольда, – и вообще нужно попросить Гражину, чтобы дала мне ключи от второй спальни на этом этаже. Будем спать в отдельных комнатах, чтобы я меньше видела твою рожу.

– Не смей так говорить! – Послышался звон пощечины. Женщина вскрикнула и куда-то побежала. Автандил остался стоять за дверью, тяжело дыша. Дронго подумал, что необходимо вмешаться. Но грузин двинулся дальше. Послышались его тяжелые шаги. Очевидно, он пошел следом за женщиной к их спальне, находившейся в левой части здания. Он вошел туда, с силой захлопнув за собой дверь. Дронго открыл дверь, выглянул в коридор. Здесь уже никого не было.

«Кажется, я невольно присутствовал при семейном скандале между неизвестными мне Автандилом и Изольдой, – подумал Дронго, – теперь я знаю, кто живет на третьем этаже. Эта скандальная пара чуть не устроила драку прямо на этаже. Они еще даже не подозревают, что рядом с ними поселились люди, которые понимают по-русски. А может, именно поэтому Чистовский пригласил меня и поселил рядом с этой семьей? Нет. Он наверняка даже не предполагает, что они способны таким образом выражать свое отношение

друг к другу. Нужно будет приглядеться к этому Автандилу. Если он способен ударить женщину, то я не стал бы ручаться за его моральные принципы».

Дронго вернулся в спальню, закрыл за собой дверь. Уже восьмой час вечера. Если Джил поторопится, то он тоже успеет принять душ. Нужно позвонить Тадеушу и уточнить, в каком виде их будут ждать у бассейна. Он подошел к столу и нажал кнопку. Почти сразу позвонил их телефон. Он поднял трубку.

– Я вас слушаю, – сказал Тадеуш.

– В каких костюмах мы должны выйти сегодня вечером к ужину? – уточнил Дронго.

– Женщины могут быть в платьях для коктейля, а мужчины в брюках и рубашках. Основные торжества произойдут завтра вечером в большой гостиной, – сообщил Тадеуш, – туда нужно будет одеться строго по дресс-коду. Мужчины в смокингах, женщины в длинных платьях. Но сегодня можно надеть рубашки с короткими рукавами.

– Ясно. Спасибо. Я могу узнать, кто именно живет рядом со мной?

– Справа или слева?

– С обеих сторон, – дипломатично ответил Дронго, чтобы не выдавать своего интереса.

– С правой стороны от вас две спальни занимают Гуру Дэ Ким Ен и его секретарь Руна Теннесен. А с левой стороны гости из Москвы – господин Автандил Нарсия и его

подруга – госпожа Изольда Немченко.

– Понятно. А на втором этаже?

– Пока приехали только две пары. Они занимают левую часть здания. Это господин Харт со своей супругой. И господин Артур Бэкман со своей супругой Глорией. Но мы ждем сегодня и друга нашего хозяина – господина Деменштейна со своей супругой...

– Она тоже придет? – невольно вырвалось у Дронго.

– Да. Они приедут сегодня вечером. Сейчас они на катере осматривают соседние бухты. Утром прилетели Артур Бэкман и его супруга. Они прибыли к нам на частном самолете и только с двумя телохранителями.

– Только? – переспросил Дронго. – Обычно бывает больше?

– Четверо или пятеро, – ответил Тадеуш, – обычно Бэкманы ездят со своими детьми. Вы, наверное, знаете, что у них трое сыновей.

– Да, я видел фотографии детей в журналах, – ответил Дронго. – А где живут телохранители?

– Они будут жить в доме для гостей. Он находится немного дальше по склону. Там раньше была небольшая ферма, но господин Чистовский купил и переоборудовал ее под дом для гостей. Там восемь комнат. Кстати, телохранитель господина Харта и помощник господина Деменштейна тоже поселятся там. Как и двое телохранителей нашего Гуру.

– Не слишком ли много охранников на один банкет? – по-

шутил Дронго.

– Нет, – очень серьезно ответил Тадеуш, – все приехавшие очень известные люди. Кроме них, нашу виллу охраняют еще трое охранников самого хозяина виллы. Один дежурит внизу у моря, второго вы видели, он у шлагбаума. И третий находится с другой стороны дома. Ближе к дому гостей. Там есть обзорная вышка и камеры, за которыми он следит. Все трое меняются каждые двое суток. Значит, завтра будет дежурить уже другая смена.

– Все понятно. А чем занимается господин Нарсия?

– Кажется, торговля кожей. У него оптовые закупки в Италии. Есть два своих магазина в Москве, но подробностей я не знаю.

– Спасибо, Тадеуш, я все понял. Вы просто идеальный дворецкий. Последний вопрос. Вы тоже живете в доме?

– Нет, я живу в городе Альгеро, недалеко отсюда. Там я снимаю квартиру. Но если нужно, я остаюсь на вилле столько, сколько необходимо хозяевам.

– Кто еще работает на вилле, кроме охранников?

– Наш повар Марсель, кухарка, которая ему помогает, две уборщицы – они тоже приезжают из Альгеро – и двое наших садовников. И еще водитель. Больше никого.

– Ясно. Еще раз спасибо. До свидания.

– Я всегда готов помочь вам, синьор, – сказал на прощание Тадеуш.

Дронго положил трубку. Такое ощущение, что здесь во-

енный совет, а не обычная вечеринка по случаю дня рождения хозяина. Получается, что, не считая Тадеуша, вокруг дома постоянно будут находиться девять телохранителей. Это много даже для таких известных людей, которые сюда приедут. Когда рядом девять вооруженных людей, а помощник Деменштейна наверняка вооружен, можно ждать любой неожиданности. Лучше предложить Чистовскому запретить телохранителям приближаться к основному зданию ближе чем на пятьсот метров.

И, конечно, его личная и большая проблема с супругой Льва Давидовича. Как она будет вести себя? Что захочет сказать Джил? Или не захочет сказать? Дронго нахмурился. Нужно было настоять, чтобы Джил не приезжала сюда. Он подошел к дверям и постучал.

– У тебя все в порядке?

– Да, – крикнула Джил, – я сейчас выхожу!

– Не торопись, – посоветовал он.

Интересно, почему так безобразно вели себя Автандил Нарсия и его спутница? Судя по их разговору, оба предпочитают довольно свободный стиль общения и не позволяют своему спутнику вести себя так, как предпочитают вести себя сами. Он снова услышал чьи-то быстрые шаги. Кажется, этот дом полон всяких загадок. Он снова прислушался. Кто-то быстро бежал по лестнице, поднимаясь на третий этаж. Судя по всему, это легкие женские шаги. И кто-то преследовал женщину. Интересно. Неужели другая пара снова начнет

ругаться рядом с его дверью? Он хотел открыть дверь, но в последний момент сдержался. И услышал торопливый мужской голос, который сказал по-английски:

– Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала?

Глава 4

«Возможно, эта вилла полна не только гостей и телохранителей, – подумал Дронго, прислушиваясь к очередному разговору, проходившему недалеко от его дверей. – Когда собирается столько разных людей, со своим уникальным жизненным опытом, нужно ждать не только привычных разговоров, но и возможного столкновения, ведь собравшиеся здесь гости – люди одного круга».

– Я не хочу с вами разговаривать, – услышал он тихий женский голос.

– Почему? Что случилось? Прошло только пять лет, – сказал мужчина.

– Это было очень давно, – ответила женщина. Было очевидно, что она волнуется, даже нервничает, разговаривая со своим собеседником.

– Пять лет не такой уж и большой срок, – добродушно заметил мужчина, – а ты сильно изменилась. И даже внешне как-то осунулась, похудела. Хотя выглядишь по-прежнему неплохо.

– Спасибо, мистер Бэкман. Но я стала действительно другой. Совсем другой. Благодаря проповедям преподобного Дэ Ким Ена я поняла, что могу найти спасение в этой жизни...

– Эти глупости, которые он внушает доверчивым людям? Неужели ты веришь в его сказки?

– Я очень верю, мистер Бэкман. Мне кажется, что Бог послал мне его в качестве моего пастыря и проводника. Который указывает мне путь к грядущему спасению...

– Хватит, Руна. Ты тогда была молодой, красивой, умной девушкой. А сейчас ты хочешь превратить себя в монашку. Сколько тебе лет? Только двадцать восемь?

– Уже тридцать, мистер Бэкман. Тогда мне было двадцать пять.

– Действительно, уже тридцать. Мы тогда жили в Мадриде, и моя жена считала, что скандинавская няня будет лучшим воспитателем для моих детей. А теперь ты превратилась в такую строгую монашку...

– Простите, мистер Бэкман, но тогда я поддалась искушению...

– Ничего страшного. Мы могли бы повторить наши игры.

– Нет. Нет. Нет. Ни в коем случае, мистер Бэкман. Я тогда согрешила, я тогда не понимала, что я делаю. Я была слишком молодой, глупой...

– Зачем ты укоряешь себя? Разве нам было плохо? Мы могли бы продолжить здесь наши отношения. Ты ведь живешь одна, и никто не помешает нам...

– Нет, мистер Бэкман. Это невозможно. Просто невозможно. Простите меня...

Дронго услышал, как она пытается вырваться, и решил, что пора вмешаться. Он рывком открыл дверь. В метре от их двери стояла молодая женщина, которую прижимал к стене

известный футболист. Оба обернулись. Бэкман растерянно отступил на шаг, а молодая женщина, покраснев до корней волос, быстро пробежала в свою комнату и закрыла дверь.

– Кто вы такой? – растерянно спросил Бэкман.

– Такой же вопрос могу задать и я, – невозмутимо заметил Дронго.

– Вы не знаете, кто я такой? – изумился футболист. – Вы действительно не знаете, как меня зовут?

– Пока я вижу перед собой не очень молодого человека, который пытался приставать к секретарю преподобного Дэ Ким Ена, и если бы не мое неожиданное появление, молодая особа попала бы в сложную ситуацию.

– Что вы говорите, – нахмурился футболист, – мы с ней знакомы уже почти семь лет. Она работала у нас няней нашего старшего сына...

– Насколько я понял, заодно она была няней и его папы, – иронично уточнил Дронго.

Бэкман оглянулся на лестницу.

– Не так громко, – попросил он. – Неужели вы действительно меня не узнали? Я – Артур Бэкман.

– Очень приятно. Кажется, я видел, как вы играете. И вы считаете, что это дает вам право вести себя подобным образом?

– Мы с ней были довольно близки, – пояснил Бэкман, – но потом она уволилась. Жена начала ее подозревать, и Руне пришлось уволиться. А теперь она стала секретарем этого

прохвоста, который проповедует свои глупости, смущая умы людей.

– Это ее личный выбор, – возразил Дронго, – в любом случае вы не правы. Во-первых, она сама решает, где ей работать и кого слушать. А во-вторых, если она не хочет с вами встречаться, то не обязательно так настаивать.

– Возможно, вы правы, – сказал Бэкман. – Если хотите, я сейчас постучусь к ней и извинюсь.

– Боюсь, что после случившегося она не откроет вам дверь, – возразил Дронго, – и вообще будет лучше, если вы спуститесь вниз и вернетесь к вашей супруге.

– Да, конечно. Но... – Бэкман замялся, – я буду вам благодарен, если об этом неприятном инциденте никто не узнает.

– Разумеется. В мои функции не входит компрометация известного футболиста или секретаря преподобного Гуру.

– Спасибо, – протянул руку Бэкман.

– Артур, где ты пропадаешь? – услышали они женский голос, доносившийся снизу.

По лестнице поднималась Глория Бэкман, супруга футболиста. Она была в темных брюках и майке от известного итальянского модельера. Некоторые модницы считали ее своеобразной иконой стиля. Ее вызывающе поднятое лицо с тонкими чертами появлялось на обложках всех глянцевого журналов мира от Аляски до Китая.

– Что случилось? – спросила она, увидев пожимающих друг другу руки мужчин. – Что здесь происходит?

Бэкман замялся. Было заметно, что он нервничает в присутствии своей супруги.

– Мы познакомились, – пояснил Дронго, – позвольте представиться. Я – эксперт по проблемам преступности. Меня обычно называют...

– Значит, вы полицейский, – не дослушала Глория, – очень хорошо. Значит, нас будут надежно охранять не только наши телохранители.

– Да, – согласился Дронго, – очевидно, это так.

– Артур, мы опоздаем к ужину. Уже половина восьмого, – напомнила супруга и, повернувшись, пошла вниз, уже не глядя на Дронго.

– Спасибо, – шепотом произнес Бэкман, направляясь за ней.

Дронго вернулся в свою комнату. Джил уже высушила волосы и вышла из ванной, накинув на себя халат.

– Где ты был? – спросила она.

– Общался с семейной парой Бэкманов, – пояснил Дронго.

– И с Глорией Бэкман, – обрадовалась Джил. – Она уже здесь? Как здорово. Ты знаешь, все мои знакомые молодые женщины просто без ума от нее. Все читают ее новую книгу о стиле моды.

– Ты тоже читала?

– Нет. Пока нет. Но купила книгу, правда, на английском языке. Но ты ведь знаешь, что мне все равно, на каком языке.

Обязательно прочту.

– Нашла, что читать, – проворчал Дронго, – эта женщина однажды честно призналась, что за всю свою жизнь не прочла ни одной книги. Как ты считаешь, что именно она могла написать? Мир действительно сошел с ума, если считает, что женщина, не прочитавшая за всю жизнь ни одной книги, может написать нечто путное, даже о стиле моды.

– Ты не совсем прав. Она, возможно, не мыслитель, но в мире моды разбирается очень неплохо. Они всегда стильно одеты, всегда очень хорошо выглядят.

– Наверное, это важнее, – мрачно согласился Дронго, – но все равно такие книги лучше не читать.

– Что на тебя нашло? Я не совсем понимаю, откуда у тебя такая меланхолия?

– Я сейчас с ней познакомился. Самовлюбленная эгоистка.

– Она не стала восхищаться всемирно известным экспертом, – пошутила Джил. – А ты наверняка не в восторге от игры ее супруга? Все правильно?

– Почти. Я действительно не в восторге. Он с каждым годом играет все хуже и хуже. А она даже не знает, кто такой Дронго, и полагаю, что даже не хочет знать.

– Ты пойдешь в душ?

– Да, – кивнул он, – но все равно – не читай.

Уже стоя под душем, он вспомнил слова Бэкмана. Значит, Руна раньше работала в его семье, а затем, когда связь с хо-

зьяном дома стала слишком очевидной, решила уйти, чтобы не вызывать скандала. Очередного скандала в семье Бэкман. Ведь Артур уже несколько раз попадался на подобных интрижках, и каждый раз ему удавалось каким-то непостижимым образом убедить свою супругу в очередной клевете молодых женщин, которые иногда очень даже красочно описывали его татуировки, сделанные в недоступных для посторонних взглядов местах.

Когда он вышел из ванной, было уже около восьми часов вечера. Через полчаса они вышли из своей комнаты и спустились вниз. Джил надела короткое платье, которое заканчивалось чуть выше колен. Он надел светлые брюки и рубашку с длинными рукавами. Внизу в гостиной стоял Тадеуш, в белом костюме. Он указал на выход к бассейну. Там уже находилось несколько пар. Они неторопливо подошли к Чистовскому.

– Добрый вечер, – радостно кивнул он, – сейчас должен приехать Лев Давидович, и мы будем, как говорится, в полном комплекте. Нам уже готовят рыбу. Марсель просто потрясающий повар. А какое вино нам привезли из местных погребов! Позвольте, я познакомлю вас с остальными гостями. Это мистер Стивен Харт и его очаровательная супруга Аманда Джаннуцци...

Стивен Харт был мужчиной чуть выше среднего роста, с роскошной копной седеющих волос, зачесанных назад. У него было загорелое лицо, рельефная мускулатура. Чтобы

подчеркнуть достоинства своей фигуры, он надел обтягивающие белые джинсы и тесную майку, которая выгодно подчеркивала его торс. Аманда была в светло-зеленом коротком платье. Джил даже чуть вздрогнула, когда увидела эту женщину. Было очевидно, что на Аманде, кроме платья, ничего не было. Эта женщина не стала утруждать себя нижним бельем. Джил даже прикусила губу от изумления. Легкое платье не только не скрывало, но и, наоборот, подчеркивало все прелести молодой женщины. Аманда, довольная произведенным эффектом, ласково кивнула Джил, хищно улыбнулась ее спутнику, облизав губы. У нее были зеленые глаза и роскошные волосы, небрежно повязанные изумрудной лентой.

– А губы она поправляла у хирурга, – зло прошептала Джил.

– Я вижу, – кивнул Дронго.

– Позвольте представить вам господина Автандила Нарсия и его подругу Изольду Немченко, – продолжал Чистовский, подводя их ко второй паре, – и хотя мы знакомы с Автандилом совсем недавно, он уже успел поразить всех нас своим размахом и кавказской широтой души.

Мужчина был среднего роста, в белых брюках и белой рубашке с длинными рукавами. Ему было лет сорок. Красноватое лицо, немного выпученные глаза, плотная фигура, нос с характерной горбинкой, аккуратно подстриженные усы. Его спутница была моложе. Возможно, ей было лет тридцать.

Она была одета в легкий брючный костюм кремового цвета. Ее можно было бы назвать даже красивой, если бы не злое выражение лица. Волосы были собраны в большой узел, длинная шея и мягкая пластика выдавали в ней бывшую балерину.

– Очень приятно, – кивнул Автандил, – я про вас слышал, господин эксперт. И в Грузии, и в России.

– Надеюсь, что только хорошее, – пошутил Дронго.

– Следующую пару я представляю вам с особым чувством, – пояснил Чистовский, – это наш преподобный Гуру Дэ Ким Ен и его секретарь Руна Теннесен.

Гуру успел переодеться и теперь был в синеватом костюме, состоявшем из брюк и легкого пиджака. Он церемонно поклонился Дронго и Джил, улыбаясь обоим. Стоявшая рядом Руна кивнула им, даже не улыбнувшись. У нее были немного резкие черты лица. Очевидно, раньше она была милевиднее, но с годами скандинавские черты ее предков-викингов начали преобладать, и тяжелый подбородок портил впечатление от симпатичного лица и серых глаз. Она была одета в серое мешковатое длинное платье.

«Этот Бэкман просто помешанный на сексе тип», – с разочарованием подумал Дронго.

Он услышал шаги за спиной и обернулся. Из дома выходили Артур Бэкман и его супруга. Футболист был в темных джинсах известной итальянской фирмы и темной рубашке с длинными рукавами и характерным логотипом. Его супруга

была в коротком коктейльном платье и в «лабутанах», позволявших ей вырасти на целую голову и соответствовать высокому мужу. Ее точеная фигура очень выгодно смотрелась в этом платье. Стеганая сумочка дополняла ее наряд. Она приветливо, но холодно кивнула всем присутствующим, задержав свой взгляд на Аманде – на одну секунду дольше, чем было необходимо; но с некоторым усилием она тут же отвела глаза, взглянув на остальных.

– Позвольте представить вам семью Артура Бэкмана, – сразу сказал Чистовский, – это наш великий футболист и его не менее известная супруга Глория. А это – господин Дронго, специалист по проблемам преступности и бывший международный эксперт ООН.

– Мы уже познакомились, – улыбнулся Артур.

– Добрый вечер, – вежливо, но холодно кивнула Глория.

– Графиня Вальдано, его супруга, – представил Джил хозяин виллы.

Глория повернулась к Джил с гораздо большим интересом. Очевидно, для нее, как для англичанки, любой подобный титул значил гораздо больше, чем эпитеты «всемирно известный» или «самый популярный». Она протянула руку Джил.

– Мне очень приятно познакомиться с вами, графиня, – сообщила Глория с интересом и энтузиазмом.

– Мне тоже, – честно призналась Джил, опасливо покосившись на Дронго, – мне всегда нравился ваш стиль, мис-

сис Бэкман.

Женщины отошли на один шаг, чтобы поговорить друг с другом. Артур сделал шаг в сторону Дронго.

– Надеюсь, что они подружатся, – добродушно прошептал он.

– Джил в восторге от вашей супруги, – признался Дронго, – ей кажется, что миссис Бэкман присуще особое чувство моды.

– У нее свой стиль, – согласился Артур, – и не только в моде. Но и в поведении с остальными людьми, хотя она довольно замкнутый человек.

Дронго вспомнил, что читал в одной из английских газет о поразительном факте из жизни Глории. Когда она села в самолет, который должен был лететь из Америки в Великобританию, она переделалась и сняла макияж. Но неожиданно объявили срочную эвакуацию всех пассажиров. Хладнокровная Глория не вышла из самолета, пока снова не переделалась и не нанесла макияж. Он увидел, как Артур посмотрел на секретаря преподобного Гуру.

– Только не смотрите на Руну, – предложил Дронго, – она, по-моему, вообще не смотрит в вашу сторону.

– Я так и думал, – огорченно кивнул Бэкман, – этот Гуру прокипятит ей мозги. Какой кошмар. Придется два дня смотреть только на прелести Аманды Джаннуцци. Или этой русской. У нее такое имя – Изольда. Как будто она испанка. Хотя Чистовский говорил, что ее друг грузин. Может, она

грузинка?

– Судя по ее фамилии, она украинка. Украина и Грузия – две новых страны, появившиеся на карте после распада Советского Союза, – пояснил Дронго. – Но если вам нужно за кем-то обязательно ухаживать или влюбляться, то ухаживайте за Амандой Джаннуцци. Она, по-моему, будет не против...

– Я же не сумасшедший, – рассмеялся Бэкман, – конечно, она не будет против. Да и Стивен Харт, я думаю, тоже не будет против. Но зато очень даже против будет моя супруга и я сам.

– Почему супруга, мне понятно. А почему вы? Или вам не нравится Аманда?

– Посмотрите на нее внимательно. Разве она может кому-то не нравиться? Фантастическая женщина. И, по-моему, она не надела нижнего белья. Но даже находиться рядом с ней очень опасно. Она ведь ничего не будет скрывать. О нашем романе моментально узнает весь мир. Она гарантированно даст интервью всем мировым агентствам, обсудит с корреспондентами мои мужские достоинства и недостатки. Одним словом, достаточно сделать шаг – и об этом узнает весь мир. Зачем мне такой скандал на весь мир?

– Согласен, – кивнул Дронго, – вам действительно не стоит подходить к ней ближе чем на пять метров.

– Что я и стараюсь делать, – сообщил Бэкман, – а к этим русским, или, как вы сказали, грузинам и украинцам, я даже не знаю, как подходить. По-моему, они плохо владеют ан-

глийским языком. И вообще, мне лучше не связываться с русской мафией.

– И поэтому вы решили выбрать Руну, – понял Дронго, – только потому, что вы с ней уже были близки пять лет назад. Господин Бэкман, нельзя так вести себя. Вы идете по самому легкому пути. Для мужчины с вашей славой и внешностью это самый простой выход. Нужно иногда рисковать.

– Это не мой случай, – возразил футболист, – у меня слишком ревнивая жена. И не забывайте, что у нас уже трое детей. Трое мальчиков. И мы мечтаем о девочке.

– Надеюсь, что вы еще осуществите свою мечту, – улыбнулся Дронго, – вы еще так молоды.

– Посмотри, Артур, – окликнула Бэкмана его супруга, – там стоит Руна. Наша Руна Теннесен. Ты помнишь, что она работала у нас в Мадриде?

– Конечно, помню, – кивнул Артур.

Они приблизились к Руне, которая беспокойно топталась на месте, видя, как они направляются к ней.

– Здравствуйте, Руна, – улыбнулась Глория, протягивая руку, – я рада вас видеть.

– Добрый вечер, миссис Бэкман, – подала свою руку Руна, – здравствуйте, мистер Бэкман, – поздоровалась она с Артуром.

За их спинами возник Гуру Дэ Ким Ен.

– Я рад видеть такого великого спортсмена, как вы, мистер Бэкман, – пожал он руку Артуру, – хотя, насколько я знаю,

вы не сторонник нашей церкви и даже не христианин.

– Он иудей, – пояснила его жена, – зато я – христианка. Правда, я отношу себя к англиканской церкви, досточтимый Гуру.

– Главное, чтобы в ваших душах была вера в Единого Творца, а к нему каждый приходит своим путем, – кивнул Дэ Ким Ен.

У Чистовского зазвонил мобильный телефон. Он достал аппарат, выслушал сообщение и улыбнулся.

– Сейчас на катере приплыли Лев Давидович Деменштейн и его супруга, – громко сообщил он, – моя жена уже встретила их внизу, у нашего причала, и через минуту они присоединятся к нам. Таким образом наши гости будут вместе с нами.

Дронго подошел к Джил.

– Сейчас они появятся, – напомнил он ей, – я тебя очень прошу – будь осторожна. Эта особа способна на любую пакость. Постарайся держаться от нее подальше. Ты помнишь, о чем я тебе говорил?

– Конечно, – усмехнулась Джил, – но мне кажется, что здесь все готовы на любую пакость. За исключением Глории, к которой ты напрасно относишься с таким предубеждением. Мне кажется, что она единственный искренний человек среди этой тусовки.

– Не уверен, – успел пробормотать Дронго.

Чистовский поспешил на край площадки. Там уже подни-

мались по лестнице Лев Давидович Деменштейн, его супруга и хозяйка дома. Первым показался Лев Давидович. Ему было за пятьдесят. Вытянутое лицо, зачесанные назад редкие волосы, умные, внимательные, требовательные глаза. Прямой ровный нос, тонкие губы. Деменштейн появился на площадке, надевая очки. Они обнялись с хозяином дома. Следом за ним на площадку вышла супруга Чистовского, и наконец появилась заметно похудевшая блондинка лет тридцати пяти. Это была Снежана Николаевна Алтуфьева. Та самая Снежная королева, которую Дронго разоблачил в прошлом году. Она оглядела собравшихся и сразу увидела Дронго. Лицо у нее вспыхнуло.

– Позвольте представить всем новых гостей. Мой многолетний друг – господин Деменштейн Лев Давидович, – объявил Чистовский по-английски, – а эта молодая женщина – его супруга. Она была звездой на главном канале Российского телевидения. Снежана Николаевна. Миссис Деменштейн.

Все подошли поближе. Дронго не шевельнулся. Чистовский весело взмахнул руками:

– А теперь наконец мы сможем попробовать все, чем решил угостить нас сегодня Марсель. Прошу к столу, дамы и господа.

Столбы были уже накрыты, стулья расставлены таким образом, чтобы все сидевшие оказались лицом к морю. Дронго смотрел на прибывших. Деменштейн, заметив его взгляд, быстро кивнул. Он взял свою супругу за руку, очевидно, на-

мереваясь пройти к столу. Но она вырвала руку и сама подошла к Дронго.

– Здравствуйте, господин эксперт, – сказала она безо всякого выражения, глядя ему в глаза.

– Здравствуйте, Снежана Николаевна, – ответил он.

– Как странно, – произнесла она с некоторым нажимом, – я не чаяла вас снова встретить. И вот мы увиделись здесь. Это, наверно, судьба.

Он промолчал.

– Мне сказали, что вы прибыли сюда с вашей супругой, – продолжала она. – Неужели правда? И вы не боитесь за ее жизнь?

Джил уже довольно хорошо понимала по-русски, чтобы не ответить.

– Нет, – шагнула она к ним, – он не боится.

Алтуфьева посмотрела на нее. Джил было примерно столько же лет, сколько и ей. Возможно, Джил была даже старше. Но дородная фигура Снежаны Николаевны смотрелась гораздо более убедительно, чем подтянутая, почти мальчишеская фигура Джил. Алтуфьева усмехнулась и перевела взгляд на Дронго.

– Да, – кивнула она, – теперь я вижу, что вы действительно не боитесь. А я полагаю, что вам все-таки следует опасаться...

Глава 5

За столом разместились все семь пар, при этом стол был развернут торцом в сторону моря, и все присутствующие могли видеть освещенное луной море. Никаких табличек на столах не было, каждый мог занимать место, которое ему нравится. Только первые места с обеих сторон были предназначены для хозяев виллы. Остальные места гости заняли в следующем порядке: три пары уселись с правой стороны стола. Первый стул занимал сам Альберт Чистовский. Рядом с ним разместились Глория и Артур Бэкманы, затем Джил и Дронго, а дальше сидели Автандил Нарсия со своей подружкой. С левой стороны во главе стола занимала место Гражина Чистовская. Рядом заняли места Лев Давидович и его супруга, затем Стивен Харт и Аманда. Рядом с ней по странной прихоти судьбы оказались Гуру Дэ Ким Ен и его секретарь Руна. Марселю помогала женщина лет сорока пяти, очевидно, кухарка, о которой говорил Тадеуш. Она была в темном платье и подавала на стол блюда по мере их готовности.

Сначала всем предложили попробовать местного розового вина. Оно было легким и кислым. Судя по выражению лиц гостей, оно не произвело на них особого впечатления. Очевидно, Чистовский понял, что эксперименты пора прекращать, и на стол подали тосканские вина многолетней выдержки, которые привели гостей в настоящий восторг. При

этом терпкое сладкое красное вино было просто великолепным, а белое, изготовляемое на Сардинии из мальвазии и муската, отличалось особым вкусом и приятно щекотало небо.

Марсель готовил традиционные рыбные блюда. Сначала подали свежие креветки, мидии, моллюски, которые принесли на больших блюдах, обложенных льдом. Затем появились сардины, фаршированные каперсами и сыром пекорино, который производили только на Сардинии.

Обязанности тамады взял на себя Автандил Нарсия. Он плохо говорил по-английски, добавляя иногда русские слова, которые Чистовскому приходилось переводить. Цветастые выражения, коими собирался поразить гостей Автандил, плохо удавались ему в переводе на английский язык. Гости часто смеялись, не понимая некоторых его выражений. Но Автандил старался изо всех сил.

– Мистер Нарсия просто поражает меня своей энергией, – сказала Аманда, глядя на тамаду.

– Мы, южане, всегда поражаем женщин своей неумемной энергией, – сразу сообщил Автандил, – и, может, поэтому так любим женское общество. Господин Дронго подтвердит, что самые пылкие влюбленные – это кавказцы.

– А я думала, что итальянцы, – усмехнулась Аманда.

– Никакого сравнения, – победно заявил Автандил.

– Не нужно хвастаться, – дернула его за руку Изольда.

– Я не хвастаюсь. Я говорю правду.

– Насколько я знаю, у мистера Харта мать была итальян-

кой, – разозлилась Изольда, обращаясь к мужу Аманды, – и поэтому, наверное, у вас такой темперамент, о котором говорит весь мир.

Она разговаривала со Стивеном явно в пику своему другу, который откровенно флиртовал с Амандой.

– Я стараюсь поддерживать свое реноме, – усмехнулся Стивен, – и если учесть, что Аманда моя четвертая жена и все четыре мои спутницы были самыми красивыми женщинами Старого Света, то признаюсь, что мне лестно слышать о моем темпераменте.

– Почему только Старого? – улыбаясь, спросила Аманда. – Мне казалось, что в Америке я тоже пользуюсь весьма большим вниманием.

– Безусловно, – согласился ее муж, – но американцы – снобы и прагматики. Их волнуют в первую очередь только деньги, политика – во вторую, их собственные семьи – в третью, а красивые женщины стоят только четвертыми в их приоритетах. Единственным мужчиной, которого, кроме политики, интересовал секс, был Билл Клинтон, да и тот едва не лишился своего поста только за то, что позабавился с этой толстой коровой.

Мужчины расхохотались. Глория нахмурилась.

– Он изменил своей супруге и обманул Конгресс, – напомнила она. – Мне кажется, что известный политик и вообще известный человек не имеет права вести себя подобным образом. И тем более лгать так откровенно.

– Лучше не лгать, – весело согласился Стивен Харт. – Только у бывшего французского президента Миттерана была не только супруга, от которой он имел двух сыновей, но и почти официальная любовница, от которой у него была взрослая дочь. Об этом знала вся Франция. Можете себе представить, что на похоронах жена и любовница стояли рядом, оплакивая бедного Франсуа, а дети плакали, чуть ли не взявшись за руки. Вот вам истинно французский подход. Он мне нравится гораздо больше.

– Это развращенность нравов, – вздохнул Дэ Ким Ен. – Мне кажется, вы привели неудачный пример. Господин Миттеран тяжело болел в последние годы и нуждался в утешении и поддержке, которую он находил у своей дочери. В таких случаях дочери часто оказываются незаменимыми друзьями, которые гораздо лучше понимают своих отцов. Возможно даже, он сожалел о грехах своей молодости.

– Ни о чем он не сожалел, – развеселился Стивен, – он любил женщин, и они любили его. Посмотрите, как ведет себя нынешний премьер Италии. Ему уже за семьдесят. Пересадил себе волосы на лысину, сделал подтяжку лица, внутреннюю очистку, разводится с женой и увлекается молодыми девочками несовершеннолетнего возраста. При этом он побеждает на выборах всех своих политических оппонентов и его любят простые итальянцы, которые понимают, что он не ханжа и не будет им лгать.

– Не уверен, что Берлускони образец идеального полити-

ка, – улыбнулся Дронго, – хотя его энергетике можно поза-
видовать.

– Вы непонятно говорите, – вмешалась Снежана Николаевна. – Так вы его осуждаете или, наоборот, поддерживаете? Очень интересно узнать ваше мнение о современных нравах.

Джил закусила губу, глядя на Дронго. Ей было интересно, что именно он ответит.

– Современные нравы слишком изменчивы, – спокойно ответил Дронго, – и подвержены колебаниям. В некоторых странах, даже католических, считают возможным разрешение однополых браков. И не видят в этом ничего предосудительного. В других странах их категорически запрещают. Мораль в обществе стала инструментом воздействия, но не превратилась в жестко очерченную догму. Возможно, наше время позволяет выбирать каждому свою свободу и свою мораль. И я не вижу в этом ничего дурного. Совсем другое дело, если ваша свобода и ваша мораль нарушают права и жизненные интересы других людей. Когда вы присваиваете себе право судить других людей и выносить им приговоры, часто субъективные и несовершенные с точки зрения общепринятой морали.

Лев Давидович нахмурился. Он понял, о чем говорит Дронго. Снежана Николаевна покраснела.

– Вы еще и моралист, – сказала она. – Я поздравляю вашу супругу с такой находкой, как вы.

– Нет, – ответил Дронго, – я не моралист. Но полагаю,

что нормы, принятые в обществе, нужно соблюдать. И не пытаться осуждать людей за иное поведение, даже если оно противоречит вашим принципам морали. Но только в том случае, если вы не переступаете нормы и обычного уголовного права.

– Вы так туманно говорите, что вас трудно понять, – пожаловалась Аманда.

К столу начали подавать зажаренные на гриле большие королевские креветки, анчоусы и небольшую рыбку – гобиус, что в переводе означало «маленький язычник». По итальянской легенде, когда святой Антоний Падуанский произносил свои проповеди, его всплывала послушать вся рыба, кроме гобиуса, и отсюда пошло ее название.

– Мистер эксперт считает, что ваша свобода не должна ограничивать свободу остальных людей, – пояснил Артур Бэкман, обращаясь к Аманде, чем вызвал явное неудовольствие своей супруги.

– Вы ловко ушли от ответа, – заметила Снежана Николаевна.

– А мне кажется, что мораль – это то, что мы вкладываем в это понятие, – возразил Лев Давидович.

– Моралисты напоминают знахарей, которые готовят лекарство для других, а сами никогда его не пробуют, – улыбнулся Стивен.

– И вообще, легко проповедовать моральные нормы, а самому их не придерживаться, – согласно кивнул Автандил.

– Боюсь, что вы не правы, – возразил Дэ Ким Ен. – В пропасти, разделяющей личную мораль и общественную аморальность, лежит большая часть мирового зла.

Марсель прислал рыбу сибас, зажаренную на углях. Большие керамические блюда разносили каждому из гостей.

– Выпьем за красоту наших женщин, – предложил Автандил, – мир без них был бы гораздо скучнее.

– Ницше считал, что моральность – это стадный инстинкт в каждом человеке, – вспомнил Стивен Харт, – поэтому к черту любую мораль. Самый слабый человек – самый лучший, так получается у моралистов. А я с этим никогда не был согласен.

– У каждого народа свои понятия морали, – вмешался Чистовский, – на некоторых островах Полинезии отец должен лишиться девственности свою дочь. И это практикуется до сих пор.

– Поэтому мы цивилизованные люди и отличаемся от дикарей, – вставил Дэ Ким Ен.

– Это настоящее варварство, – поддержала его Глория, – даже слушать о таком кошмаре мне кажется ужасным.

– Должны существовать общепринятые нормы, – продолжал Дэ Ким Ен, – которые признаются во всем цивилизованном мире. И то, что приемлемо для цивилизованных народов, может распространяться и на других людей.

– Это вы перегнули, достопочтимый Гуру, – рассмеялся Стивен Харт, – я легко опровергну ваши слова. Вы видите

внизу сауну, которую хозяин виллы соорудил для своих гостей?

– Этот домик внизу? Да, я его вижу. А почему вы о нем спрашиваете?

– С итальянской точки зрения, на пляже можно загорать топлесс, – сообщил Стивен, – и на многих продвинутых пляжах итальянки так и загорают. А вот с точки зрения немцев, в саунах нельзя оставаться в одежде. Нужно полностью раздеваться, когда вы сидите все вместе в сауне. Надеюсь, вы не станете отрицать, что итальянцы и немцы два самых цивилизованных и культурных народа. Как в этом случае распространять «положительный опыт» купания в саунах на другие цивилизованные народы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.